

DOI 10.32342/2523-4463-2017-0-13-155-160

УДК 821.161.1

Т.И. ТВЕРИТИНОВА,
*кандидат филологических наук,
доцент кафедры мировой литературы
Киевского университета имени Бориса Гринченко*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «АЛМАЗНАЯ КОЛЕСНИЦА»

В статье рассматривается взаимосвязь романа Б. Акунина «Алмазная колесница» с другими текстами русской и мировой литературы: на уровне собственно интертекстуальности (присутствия цитат, аллюзий, реминисценций в одном тексте), паратекстуальности (отношение текста романа к названию первого тома «Ловец стрекоз»), метатекстуальности (сопоставление с рассказом А. Куприна «Штабс-капитан Рыбников»). Интертекстуальная поэтика включает актуализацию культурных кодов – русского (составной частью которого является пушкинский код) и японского, отражая тем самым противостояние Востока и Запада.

Ключевые слова: Б. Акунин, интертекстуальность, палимсест, многожанровость, римейк, поэтика штампа, культурный миф.

Интертекстуальность – одна из наиболее характерных особенностей современного постмодернистского дискурса. Ее ключевым понятием является категория «палимсеста» (Ж. Женетт), т. е. текста, создающегося поверх иных текстов, которые неизбежно проступают сквозь его семантику. Интертекстуальность предполагает не только явные или скрытые цитации (центонность), но и использование аллюзий, референций, реминисценций, традиционных мотивов, сюжетов, образов, актуализацию культурных кодов и жанровых связей. Чаще всего в качестве интертекста выступает классическая литература: заимствуются названия, образы, сюжеты, имитируется стиль, жанр.

Не является исключением и творчество современного писателя-постмодерниста Б. Акунина. Исследователь А. Ранчин, подчеркивая «цитатно-коллажность» романов писателя, отмечает, что «опознать хотя бы большинство всех этих переключек и аллюзий может только читатель литературно подготовленный... «Двойное кодирование», расчет на читателя, который поймет «все», и на того, кто поймет «кое-что», – прием, опробованный в постмодернистской словесности многократно» [1].

Роман Б. Акунина «Алмазная колесница» (2003) – десятый в цикле «Приключений Эраста Фандорина» – представляет собой метатекстуальный полипастиш, построенный на переплетении «чужих» текстов как русской, так и мировой литературы.

В современном литературоведении некоторые проблемы интертекстуальности в романе «Алмазная колесница» уже рассматривались А. Ранчиным, А. Куневич и П. Моисеевым, Г. Чивликлий, Е. Гончаровой, Н. Соценко, А. Филимонцевой. Однако отдельного комплексного исследования имплицитных и эксплицитных форм интертекстуальности в романе «Алмазная колесница» не предпринималось. Этим и был обусловлен выбор нашего исследования.

Цель данной статьи – рассмотреть взаимосвязь романа Б. Акунина «Алмазная колесница» с другими текстами, выявить различные формы интертекстуальности и их функции в романе.

Автор определяет его жанр как этнографический детектив, однако в произведении прослеживаются элементы не только детективного, но и философского, исторического,

авантюрного, соціально-психологічного, соціально-бутового роману. Присутній жанровий еkleктизм обумовлений тим, що палимсест є основним прийомом побудови його тексту, відзначаючись багатозначністю і багатжанровістю.

Перший том роману – це пастиш-римейк розповіді А. Куприна «Штабс-капітан Рибников», так як базується на одному «чужому» тексті, апелює до його пам'яті і смислового потенціалу. Римейк, повторюючи сюжетні ходи тексту-донора, образи і типи характерів, доповнює його новим і актуальним змістом. Б. Акунін починає «Алмазну колесницю» не з цитати, а з дослівного переписування перших двох абзаців купринського розповіді, що дозволяє визначити романний хронотоп: місце дії – Петербург, час – розгром російського флоту у острові Цусима, 1905 г. З експліцитних форм інтертекстуальності слід також виділити сюжет: розоблачення японського агента, появившогося в розгар російсько-японської війни в Петербурзі і ведучого шпійонську діяльність.

На перший погляд, образ акунінського Рибникова є проекцією купринського героя. Збігається портретна характеристика типового японця: жовто-коричневі очі, сливообразний ніс, скуласте обличчя, жорсткі чорні волосся. Особливості поведінки: «маленький, чорномазый, хромий офіцер, дивно болтливий, растрепаний і не особливо трезвий, одетий в офіцерський мундир» [2, с. 434–435]. Обидва герої старанно обробляють свою «легенду»: «Під Ляояном контужен в голову, а при Мукденському відступленні поранен в ногу» [2, с. 435]. Обидва по декілька разів на день є «десятками присутніх місць і управлінь, подразжуючи своїх службовців своїми бестолковими скаргами і претензіями, своїм унизительним попрошайництвом, армійською грубістю і крикливим патріотизмом» [2, с. 435]. Маска нещасливого, обнищавшого, пораненого офіцера діяла безотказно: «проти волі... відповіли на його назойливі запитання про перебіг військових подій», що дозволяло збирати потрібні дані [2, с. 436].

Актуалізуючи культурний код купринського твору, Б. Акунін розвиває міф про Японію як «жовту небезпеку», що, за словами М. Омори, пов'язано «не з російською «високою» літературою, а скоріше з масовим свідомством, відбитим в журналістиці того часу» [3]. Як фельетоніст Щавинський у А. Куприна, так і герої Б. Акуніна, контактуючи з Рибниковим, відзначають його «жовтизну» (барв очей, обличчя) – характерну особливість монголоїдного типу. В обох творах ведуться розмови про небезпеку від Японії, яка веде війну не тільки на фронтах, але і за допомогою шпійонажу і диверсій. І Фандорин, і Щавинський, як російські інтелектуали, безумовно, усвідомлюють потенційну силу країни, яка прагне розвинути і представляє серйозну загрозу російській цивілізації. «Жовтою небезпечкою» або «Новим монголізмом» безтурботно ще один акунінський герой – військовий агенти Бухарцев, але в даному випадку автор іронізує, показуючи в пародійному світлі претендента на звання пророка і захисника батьківщини [4, с. 434].

Для іноземців, які намагаються зрозуміти специфіку російського життя того часу, за словами С. Кулагіна, основною частиною штампу як засобу створення етнічного простору є «міф про непобедимість російської зброї» [5, с. 124]. Головні герої у обох творах постійно декларують свої патріотичні переконання. Заявлені купринським Рибниковим «Православний російський воїн, не вважаючи, б'є ворогів» [2, с. 440] повторює акунінський герой: «Коварний ворог буде розбитий християнським військом» [6, с. 27].

С. Кулагін також відзначає, що «своєобразним паролем, надійним ідентифікатором Рибникова серед членів російського суспільства, стає знання російської мови» [5, с. 126]. Б. Акунін в романі «Квест» перераховує необхідні знання для розвідника, який влітає в Росію: «господарський словник трьох культуроутворюючих класических літератур – Пушкіна, Толстого, Чехова, плюс... зміст газети... за останні кілька років; плюс збірка прислів'їв і приказок» [7, с. 55–56].

Розповідь купринського Рибникова характеризується активним використанням «нецитатного» типу «чужого слова» (Т. Смирнова) – прислів'їв, приказок, афоризмів, «крилатих» слів і виражень, в той час як акунінський герой не так активно їх використовує. Якщо спостерігач Щавинський постійно відзначає у японця «якую-то внутрішню напружену нервову силу» [2, с. 439], то акунінського Рибникова характеризує самооблад-

ние, выдержка, умение выигрывать при любых обстоятельствах. Деконструкция купринского героя у Б. Акунина наблюдается в показе его диверсионной деятельности за пределами Петербурга, писатель-постмодернист подменяет оппозицию Щавинский – Рыбников на Фандорин-Рыбников. Несмотря на одинаковый финал истории – разоблачение и арест агента, акунинский герой не похож на побежденного, и причины его сдачи в плен были совсем другие.

Образ Фандорина, на первый взгляд, восходит к известным литературным детективам-аналитикам: Холмсу А. Конан Дойла (дедуктивный метод расследования, актерские способности, занятие боксом, японской борьбой, фехтованием, интерес к техническим новинкам, использование собак при раскрытии преступлений) и Пуаро А. Кристи (самостоятельность ведения расследования, ухоженная внешность, любовь к порядку). Однако, как считает Е. Гончарова, прослеживаются также многочисленные апелляции к повести Я. Флеминга «Живешь лишь дважды» как на уровне построения сюжета (оба героя прибывают в Японию с определенной миссией, оба работают в посольствах), так и на уровне персонажей (они тяжело переживают потерю своих жен, убитых в день свадьбы, обоим приходится маскироваться под японцев-простолюдинов, оба попадают в лагерь ниндзя и обучаются некоторым премудростям их мастерства). Наконец, оба удачливы и непредсказуемы [8].

А. Ранчин замечает, что переклички и аллюзии в произведениях Б. Акунина бывают разного рода: «иногда они точечные, и назначение их – всего лишь проверить эрудицию раскрывшего книгу» [1]. Так, в романе «Алмазная колесница» вслед за А. Куприным Б. Акунин использует неточную цитату А. Чехова из рассказа «Жалобная книга»: «Хоть ты Иванов-седьмой, а дурак». Однако если А. Куприн использует чеховский текст в качестве иронии японца над тщетными попытками Щавинского его раскрыть, то у Б. Акунина это интертекстуальный экскурс для читателя-интерпретатора.

В романе встречаются гоголевские аллюзии (героя-чиновника называют Акакием Акакиевичем), некрасовские (смелость и самоотверженность Лидиной у взорванного моста вызывают у Рыбникова ассоциации с поэмой «Русские женщины»), а консул Доронин при первом знакомстве с Фандориным называет его то Чацким, то Онегиным, то Печориным, то Чайльд-Гарольдом, восстанавливая тем самым галерею «лишних людей» мировой литературы. Стремясь поскорее постичь японскую специфику, Фандорин читает книгу И. Гончарова «Фрегат «Паллада», а Рыбников, отправляя телеграммы, подписывается Гончаровым, прозрачно намекая на классика, описавшего характеры и нравы японцев во время своего путешествия. О колоритной биографии графини Бовада Лисицкий замечает, что ее жизнь – «истинный роман Буссенара» [6, с. 176], французского писателя, который был известен своим «Кругосветным путешествием юного парижанина», а название ее «пансиона» «Сен-Санс» отсылает нас к фамилии другого француза – композитора К. Сен-Санса, автора оперы на японскую тему «Желтая принцесса». Есть и реминисценция из романа-эпопеи Л. Толстого «Война и мир», когда размышления Фандорина по поводу рыцарства и войны по правилам перекликаются со словами «привлекательнейшего из героев русской литературы» Андрея Болконского накануне Бородинского сражения [6, с. 122].

Однако, как отмечают А. Куневич и П. Моисеев, «один из самых любимых объектов деконструкции для Б. Акунина – А. Пушкин», так как он «самый классический из русских классиков» [9]. В романе «Алмазная колесница» А. Пушкина цитируют консул Доронин, Фандорин, японский шпион Рыбников, Лидина, штабс-ротмистр Лисицкий, а служащий русского посольства японец Сирота не только сам был восторженным поклонником пушкинской поэзии, но и приохотил своего приемного сына, уверовавшего, что «все русские обожают Пушкина» [6, с. 130]. Исследователи указывают на разговор Фандорина с Мидори о национальной поэзии, когда, узнав, что «любимое стихотворение» Фандорина «Евгений Онегин» состоит из «нескольких тысяч строк», японка замечает: «Когда поэт сочиняет длинно, это значит, что ему нечего сказать» [4, с. 536]. По их мнению, «Пушкин (читай – русская литература) проигрывают вследствие отсутствия подлинной проблематики, подлинного трагизма, а значит – и подлинной красоты» [9]. Однако в конце разговора о поэзии представление Мидори об утонченном понимании Красоты, по мнению Фандорина, апеллирует к пушкинскому гедонисту и эстету Дон Гуану из «Каменного гостя».

Исследовательница Г. Чивликлий считает, что пушкинский текст в романе Б. Акунина – «это ключ к решению главной загадки детектива: кто настоящий злодей» и – шире, за пределами детективного жанра – «что есть зло?» [10, с. 494]. Интересно сопоставление акунинского романа с пушкинской «Капитанской дочкой». У него капитанская дочка Софья Благолепова является пародией на пушкинскую Машу Миронову: героиня не обладает ее умом и решительностью, в сюжете романа ее роль третьестепенна. По мнению Г. Чивликлий, Б. Акунин из пушкинского романа сохраняет «наиболее узнаваемые сюжетные ходы» (герой попадает в центр политического заговора, отправляется за своей возлюбленной во враждебный лагерь; оппозиция антагонистов Гринев – Швабрин заменяется другой – Фандорин – Сирота, где в основу противостояния положено не любовное соперничество, а проблема чести и нравственности; полностью дублируются отношения Гринев – Савельич и Фандорин – Маса) [10]. Однако, замечает исследовательница, «достраивая» образ пушкинского героя японской экзотикой (слуга, язык, боевое искусство), Б. Акунин показывает несовместимость его духовных качеств (гуманизм, рационализм) с путем «алмазной колесницы», «что объясняет вечную актуальность противостояния Востока и Запада» [10, с. 498]. Таким образом, пушкинский текст в романе является составной частью русско-культурного кода, противопоставленного восточному – японскому коду.

Японский культурный код в романе Б. Акунина представляется в постижении национальной культуры, основанной на гедонизме, красоте и любви, японского языка (в тексте романа экзотическая лексика выделена курсивом и разъясняется как новоприбывшему Фандорину, так и читательской аудитории), буддийской философии, позволяющей по-иному воспринимать этические принципы. Неотъемлемой частью культуры является японская литература, в частности хокку. Постмодернистская игра Б. Акунина заключается в том, что он структурирует первый том романа по законам эстетики хокку: ками-но-ку – начало, состоящее из пяти слогов, нака-но-ку – середина – из семи слогов, симо-но-ку – конец – из пяти слогов. Во втором томе каждая глава заканчивается хокку, которые резюмируют вышесказанное. Раскрывая исконно японское представление о красоте радости (как полет бабочки), Б. Акунин использует автоцитату: так называется первая глава второго тома, а слова о красоте печали – «о трагической любви сочиняют пьесы, которые живут столетия» [4, с. 539] являются, по крайней мере, шекспировской реминисценцией. Однако, несмотря на многочисленные отсылки к японской поэзии, в романе присутствует лишь одно классическое стихотворение поэтессы XVIII в. Тие: «Мой ловец стрекоз, О, как же далеко ты нынче забегал...» [4, с. 536]. Оно объясняет название первого тома – «Ловец стрекоз», которое, являясь паратекстом, задает тему произведения, намечает лейтмотивы отдельных частей, актуализирует смысловую доминанту текста, вводя подтекстовую информацию. Как художественное средство «ловец стрекоз» – это перифраз, не прямое упоминание объекта посредством описания, а не называния. Тие написала свое хокку в память об умершем сыне. Фандорин выслеживает и способствует разоблачению японского агента, но при этом «чувствует непонятную тяжесть на сердце» [6, с. 199]: сын, о котором он не знал, покончит с собой. В литературоведении уже писали о библейских аллюзиях (жертвоприношение сына), однако здесь уместнее вспомнить сюжет мирового фольклора о поединке двух богатырей (боевые качества ниндзя тому подтверждение), когда отец, не подозревая о существовании сына, убивает его как своего противника (Илья Муромец и Сокольник, Рустам и Сухраб и др.). Тема отцовства, как справедливо замечает Г. Чивликлий, – одна из центральных в романе [10]. А все, что предшествовало этому поединку, – между строк хокку поэтессы Тие.

Как видим, Б. Акунин в романе «Алмазная колесница», активно обращаясь к текстам мировой литературы, использует как имплицитные формы интертекстуальности (аллюзии, цитаты, реминисценции, заглавия), так и эксплицитные (узнаваемые сюжеты, культурные коды, классические идеи и мотивы), что позволяет вести постмодернистскую игру с разноразмерной читательской аудиторией.

Список использованных источников

1. Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция: повествование в четырех главах с предуведомлением, нелирическим отступлением и эпилогом [Электронный ре-

сурс] / А. Ранчин // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67. – С. 166–180. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/ran14.html> (Последнее обращение 21.11.2016).

2. Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников / А.И. Куприн // Избранное. – Харьков: Изд-во при Харьковском гос.ун-те «Выща школа», 1988. – С. 434–468.

3. Омори М. Образ японца в рассказе А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников» [Электронный ресурс] / М. Омори // Медиаскоп: [электронный научный журнал]. – 2012. – Вып. 4. – Режим доступа: // <http://www.mediascope.ru/node/1173> (дата обращения 21.11.2016).

4. Акунин Б. Алмазная колесница. В 2-х т. / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2008. – Т. 2. – 606 с.

5. Кулагин С.А. Проблема национальной идентичности в рассказе А.И. Куприна «Штабс-капитан Рыбников»: миф о непобедимости русского оружия / С.А. Кулагин // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – Вып. 3. – С. 123–127.

6. Акунин Б. Алмазная колесница: в 2-х т. / Б. Акунин. – М.: Захаров, 2008. – Т. – 203 с.

7. Акунин Б. Квест: Роман – компьютерная игра / Б. Акунин. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 448 с.

8. Гончарова Е.И. Бонд. Эраст Бонд («Алмазная колесница» Б. Акунина и «Живешь лишь дважды» Я. Флеминга / Е.И. Гончарова // Русский постмодернизм. Вести из Алтай-Видянка: сб. статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 184–188.

9. Куневич А. Пушкинский текст в «фандоринских» романах Б. Акунина / А. Куневич, П. Моисеев // Сибирские огни. – 2005. – № 3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.sibogni.ru/content/pushkinskiy-tekst-v-fandorinskih-romanah-b-akunina> (дата обращения 21.11.2016).

10. Чивликлий Г.Д. Пушкинский код «японского» романа Б. Акунина / Г.Д. Чивликлий // Актуальні проблеми слов'янської філології: міжвузівський збірник наукових статей. Лінгвістика і літературознавство. – 2006. – Вип. 11. – Ч. 2. – С.493–498.

References

1. Ranchin, A. *Romany B. Akunina i klassicheskaja tradicija: povestvovanie v chetyreh glavah s preduvedomeniem, neliricheskim otstupleniem i epilogom* [Novels of B. Akunin and the classical tradition: a narrative in four chapters with a warning, a non-lilic retreat and an epilogue]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], 2004, no. 67, pp. 166-180. Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/ran14.html> (Accessed 21 November 2016).

2. Kuprin, A.I. *Shtabs-kapitan Rybnikov* [Staff-captain Rybnikov]. *Izbrannoe* [Selected works]. Kharkiv, Vishche school Publ., 1988, pp. 434-468.

3. Omori, M. *Obraz japonca v rasskaze A.I. Kuprina "Shtabs-kapitan Rybnikov"* [The image of the Japanese in the story "Staff-captain Rybnikov"]. *Jelektronnyj nauchnyj zhurnal "Mediaskop"* [Electronic Journal "MediaScope"], 2012, issu 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1173> (Accessed 21 November 2016).

4. Akunin, B. *Almaznaja kolesnica* [The Diamond Chariot]. Moscow, Zakharov Publ., 2008, vol. 2, 606 p.

5. Kulagin, S.A. *Problema nacional'noj identichnosti v rasskaze A. I. Kuprina "Shtabs-kapitan Rybnikov": mif o nepobedimosti russkogo oruzhija* [The problem of national identity in the story of AI Kuprin "Staff-Captain Rybnikov": the myth of the invincibility of Russian weapons]. *Vestnik Tambovskogo un-ta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: The humanities], 2009, issue 3, pp. 123-127.

6. Akunin, B. *Almaznaja kolesnica* [The Diamond Chariot]. Moscow, Zakharov Publ., 2008, vol. 1, 203 p.

7. Akunin, B. *Kvest: Roman – komp'juternaja igra* [Quest: romance-computer game]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2008, 448 p.

8. Goncharova, E.I. *Bond. Jerast Bond ("Almaznaja kolesnica" B. Akunina i "Zhivesh' lish' dvazhdy" Ja. Fleminga* [Bond. Erast Bond ("The Diamond Chariot" by B. Akunin and "You Live Only Twice" by J. Fleming)]. *Russkij postmodernizm. Vesti iz Altaj-Vidjanska: sb. statej* [Russian postmodernism. News from Altai-Vidianska: Sat. Articles]. Barnaul, Publ. Alt. un-ta, 2006, pp. 184-188.

9. Kunevich, A., Moiseev P. *Pushkinskij tekst v "fandorinskih" romanah B. Akunina* [Pushkin's text in Fandorin's novels by B. Akunin]. *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 2005, no. 3. Available at: <http://www.sibogni.ru/content/pushkinskiy-tekst-v-fandorinskih-romanah-b-akunina> (Accessed 21 November 2016).

10. Chivliklij, G.D. *Pushkinskij kod "japonskogo" romana B. Akunina* [Pushkin's code of the "Japanese" novel by B. Akunin]. *Aktual'ni problemi slov'jans'koj filologii: mizhvuzivs'kij zbirnik naukovih statej. Lingvistika i literaturoznavstvo* [Actual problems of Slavic Studies, Interuniversity collection of scientific articles. Linguistics and Literary Studies], 2006, issue 11, vol. 2, pp. 493-498.

У статті розглядається взаємозв'язок роману Б. Акуніна «Алмазна колісниця» з іншими текстами російської і світової літератури: на рівні власне інтертекстуальності (присутності цитат, алюзій, ремінісценцій в одному тексті), паратекстуальності (відношення тексту роману до назви першого тому «Ловець бабок»), метатекстуальності (зіставлення з оповіданням О. Купріна «Штабс-капітан Рибников»). Інтертекстуальна поетика включає актуалізацію культурних кодів – російського і японського, відображаючи таким чином протистояння Сходу й Заходу.

Ключові слова: Б. Акунін, інтертекстуальність, палімпсест, багатожанровість, рімейк, поетика штампу, культурний код.

The article is devoted to the interconnection of the novel by B. Akunin «The Diamond Chariot» with other texts of Russian and world literature: at the level of actual intertextuality – the presence of a quotation, allusions, reminiscences in one text, paratextuality (the relation of the text of the novel to the title of the first volume «The Dragonfly Catcher»), metatextuality (comparison with the story of A. Kuprin «Junior Captain Rybnikov»). Intertextual poetics includes the actualization of cultural codes – Russian (the part of which is the Pushkin code) and Japanese, reflecting the confrontation between East and West.

Key words: B. Akunin, intertextuality, palimpsest, multigenre, remake, poetics of cliché, cultural myth.

Одержано 21.11.2016